ЕВРОПА И АЗІЯ.

Да гдѣ жъ, скажите, начинается Азія, то–есть гдѣ, собственно, оканчивается Европа? Не–уже–ли это такая вещь, которая, какъ бы сказать, покрыта мракомъ неизвѣстности, или это, наконецъ, тайна природы, до которой люди еще не дошли, не смотря на ученость свою, или даже — вѣдь и это сбыточно — сомнительный предѣлъ двухъ частей свѣта измѣняется по–временамъ года отъ причинъ стихійныхъ, или тамъ какъ–нибудь отъ наклонности оси земной, отъ эклиптики, или, словомъ, отъ причинъ важныхъ, независящихъ отъ воли человѣка?

Вотъ, посмотрите, въ одной нѣмецкой географіи Волга принимается за настоящую границу, и Казань полюбовной сдѣлкой передана Азіи; въ другой, граница эта: Уральскій Кряжъ, Общій–Сыртъ и низовье Волги; въ третьей — Уральскій хребетъ и рѣка Уралъ; другіе толкуютъ, что вся

Оренбургская и Пермская губерніи принадлежатъ Европейской Россіи, а слѣдовательно и Европѣ, потому–то Европейская Россія не можетъ быть въ Азіи; стало–быть, Азія и начинается у насъ настоящею Сибирью, Тобольскою губерніею.... Да нѣтъ, и это неловко: вѣдь челябинцы, екатеринбургцы, даже жители Троицка называются и сами себя называютъ сибиряками; дали русскимъ, то–есть европейскимъ бабамъ, прозваніе «чернолапотницъ», и русскаго человѣка признаютъ только полуземлякомъ, если онъ не сибирякъ.... Какъ же тутъ быть? Сомнительно, право сомнительно!

— Да то ли еще на этомъ свѣтѣ бываетъ сомнительно, или по политическимъ и другимъ видамъ неизвѣстно? Вотъ, напримѣръ, ваша задача, рѣшить, гдѣ конецъ Европы и начало Азіи на востокѣ — это задача, и простительно ею затрудняться: какъ бы то ни было, тутъ материкъ, шнуромъ не ударишь, мѣлкомъ не прочертишь — ну, оно и сбивчиво. А я предлагаю вамъ другой вопросъ, попроще,

да позабористѣй: гдѣ сходится Европа съ Азіей — на юго–западѣ, подъ Туречиной, то–есть, что ли, либо и въ самой Туречинѣ или тамошнихъ бусурманскихъ земляхъ? Что, небось, призадумались? Чегожъ вы глядите на меня, выпучивъ глаза? Я вамъ говорю дѣло — да; гдѣ сходится Европа съ Азіей: на юго–западѣ Россіи или сопредѣльныхъ ей земель?

— Помилуйте, батюшка, да вы говорите что–то такое непонятное; воля ваша, а кто–нибудь изъ насъ, съ позволенія сказать, безтолковъ; или вы рѣчь ведете о Кавказѣ?

— Нѣтъ, совсѣмъ не о Кавказѣ: оставьте Кавказъ въ сторонѣ, его размежуютъ, или не размежуютъ безъ насъ; не дѣлайте отвода, а отвѣчайте прямо, по силѣ моего вопроса!

— Не понимаю васъ, Аркадій Иванычъ; а, кажется, мы оба съ вами сегодня далеко еще не дошли даже до чаю, не только до чего инаго....

— Ну, такъ вотъ, послушайте жь меня; тогда поймете. Вотъ оно и выходитъ на то,

что вѣкъ живи, вѣкъ учись, а помри дуракомъ.

Лѣтъ тому, конечно, ужъ не мало будетъ — я тогда еще служилъ повытчикомъ въ палатѣ, въ Казани — случилось казусное дѣло, которое давно покончено и забыто и, можетъ–статься, уже и поѣдено мышами, а между–тѣмъ жаль, право, жаль будетъ, если о немъ умретъ и само преданіе; вотъ это–то дѣло и вѣртелось на щекотливомъ вопросѣ, который я вамъ предложилъ не спроста: онъ тогда былъ разрѣшенъ; не знаю, было ли сообщено объ этомъ кому слѣдуетъ, то–есть господамъ географамъ, къ свѣдѣнію и въ потребномъ случаѣ къ соображенію, но дѣло рѣшено судебнымъ порядкомъ, и рѣшено именно у насъ въ Казани. Помните только, что этому ужъ очень–давно; вы знаете, когда я служилъ повытчикомъ: тогда еще Лукерья Петровна была вотъ эдакенькая — вотъ; а теперь, сами знаете, она ужъ не то, что была.

Ну, вотъ, изволите видѣть, жилъ–былъ у насъ порядочный помѣщикъ; душъ было

у него ста четыре; помѣстье въ Чебоксарскомъ уѣздѣ. Хозяинъ былъ онъ хорошій, жилъ–себѣ–таки ничего, взялъ да и померъ. Какъ у человѣка одинокаго, дѣтей у него не случилось, а явились наслѣдники боковые, законные, однакожъ, родные племянники, два брата; ну, извѣстно, безъ хлопотъ не обошлось, призаняли они тутъ и тамъ, колотились, бывали наѣздомъ, то тотъ, то другой, наконецъ, рѣшилось дѣло, ввели ихъ во владѣніе. Только–что успѣли перекреститься молодцы мои да задумать о томъ, какъ они теперь заживутъ — анъ шасть, бѣда въ подворотню: является третій наслѣдникъ. Хлопоты и заботы по наслѣдству этому и такъ ужъ надоѣли бѣднякамъ моимъ, что хоть, бывало, ину пору въ стѣну лбомъ, а тутъ опять новая гроза! Принесла же его нелёгкая, и откуда онъ взялся? Да такой же, изволите видѣть, племянникъ покойника, боковой, законный наслѣдникъ; съ равными правами; племянникъ отъ другаго брата; сидѣлъ онъ забившись, гдѣ–то на службѣ въ Херсонѣ,

что–ли, въ малыхъ чинахъ, да дошли–таки до глухаго вѣсти — онъ и явился. Мировой нѣтъ; первые наслѣдники и слышать не хотятъ, и со двора его согнали. Тотъ за тяжбу, подалъ просьбу по порядку; онъ человѣкъ неимущій, жить ему на чужбинѣ безъ помощи трудно; срокъ отпуска вышелъ, боится потерять мѣсто.... Подавъ просьбу, да похлопотавъ, сколько могъ, и воротился туда, откуда пріѣхалъ. Требуютъ доказательствъ, сякихъ–такихъ; онъ заботится, хлопочетъ, высылаетъ; сперва–таки былъ человѣкъ въ Казани, который, надѣясь на благодарность за услугу, увѣдомлялъ херсонца о ходѣ дѣла, списывался съ нимъ; а тамъ, какъ увидѣлъ, что проку мало, что тому благодарить–то нечѣмъ, то и тотъ махнулъ рукой, замолкъ, а второй наслѣдникъ, вовсе потерявъ изъ виду дѣло, не могъ слѣдить за нимъ какъ слѣдуетъ, не могъ и смазывать за глаза, гдѣ скрипитъ, а пріѣхать въ другой разъ было не съ чѣмъ: видно, деньжонками не могъ сколотиться. Такъ и проходитъ мѣсяцъ за

мѣсяцемъ, годъ за годомъ — ни слуху, ни духу нѣтъ ему, что тамъ дѣлается.

Между–тѣмъ, нашлось какое–то мѣстечко, повыгоднѣе для херсонца, въ Молдавіи, гдѣ въ то время, знаете, было наше управленіе; жалованьишко повыше, да никакъ еще и по заграничному разсчету: онъ туда; живетъ тамъ годъ, и забираетъ его заботишка по тяжебному дѣлу, да способовъ нѣтъ никакихъ; одна надежда, что добудетъ да сбережетъ что–нибудь отъ нынѣшняго содержанія; на то и бьетъ и разсчитываетъ. Ну и точно сколотился опять кой–какъ; поѣхать бы можно, нешто, такъ дѣло–то думчиво: не протрястись бы попустякамъ, есть ли зачѣмъ ѣхать? Надо бы хоть что–нибудь узнать напередъ. Вотъ онъ, не долго думавъ, три червонца въ старую перчатку закуталъ, зашилъ, запечаталъ, да съ письмомъ къ тому человѣку, съ которымъ, бывало, прежде переписывался, на почту; пишетъ ему, что–де, вотъ такъ и такъ, не взыщите, мы люди бѣдные, а вотъ, что могли отъ крохъ своихъ, долгомъ поставляемъ по

справедливости удѣлить, да просимъ и молимъ, увѣдомьте, что и какъ, и не надо ли мнѣ пріѣхать опять самому. «Коли нѣтъ того чиновника въ Казани, либо коли померъ, такъ вѣдь деньги не пропадутъ» подумалъ херсонецъ, «а воротятся: что будетъ, то будетъ.

Вотъ, сударикъ ты мой, послалъ, а самъ ѣдетъ. Три червонца не воротились, а пришло по первой казенной почтѣ письмо, въ которомъ увѣдомляютъ бѣднаго херсонца моего, что казанцы давно уже безъ него покончили дѣло это, и, стало–быть, онъ тяжбу проигралъ. Заглазно выиграть тяжбу мудрено, особенно когда сильные противники на–лицо; какъ ужъ они тамъ свертѣли да скомкали ее — не вѣдаю, а только рѣшеніе послѣдовало въ пользу ихъ; херсонца вызывали по вѣдомостямъ къ рукоприкладству, онъ не явился, ни слуху, ни духу о себѣ не подалъ, такъ, прождавъ законный срокъ, и повершили безъ него.

Взяла бѣда поперегъ живота бѣдняка нашего; отступиться не хочется; сто–тридцать исправныхъ душъ въ Казани —

хлѣбъ по вѣкъ, и жить можно безъ большаго горя. «Была не была» подумалъ онъ: «вѣдь службишка нашего брата, мальги, подъ старость тебя безъ подметокъ оставитъ, хоть какъ ни колотись; а помѣстье кладъ! Подалъ опять въ отпускъ, собралъ червончики свои и покатилъ самъ на мѣсто: «Авось теперь не добьюсь ли чего! Быть не можетъ, чтобъ мнѣ на–отрѣзъ отказали; я такой же племянникъ покойнаго, какъ и они, все–равно, дѣти родныхъ братьевъ: по какомужъ закону меня устранить?»

Пріѣхалъ, освѣдомился, и видитъ, что дѣло больно–плохо: не то важно еще, что отказали: мало ли въ чемъ до времени отказываютъ! да коли неправо, незаконно, такъ можно и повершить; а тутъ вотъ что плохо, что рѣшеніе вошло въ законную силу по пропускѣ установленныхъ сроковъ: не только уплылъ срокъ на рукоприкладство — это само–по–себѣ, а срокъ апелляціонный пропущенъ; для переноса жалобы изъ низшей во вторую степень и просьбы не принимаютъ. Бѣдный

херсонецъ мой разбѣгался, разохался, кидается по всѣмъ властямъ и представляетъ на судъ всякаго, что онъ не виноватъ ни въ чемъ, состоялъ на службѣ въ отдаленныхъ мѣстахъ: ни узнать о ходѣ дѣла, не только прибыть къ сроку не могъ, а теперь за это лишается наслѣдства! Нашлись добрые люди, которые вошли въ дѣло его, или, можетъ–быть, лобанчики да арабчики склонили кого–нибудь къ мягкосердію, все–равно, да только, потолковавъ о срокахъ, нашли, что одинъ срокъ назначенъ для пребывающихъ въ Россіи, другой же для заграничныхъ участниковъ, а третій для такого случая, когда тяжущійся находится въ другой части свѣта. Первые два срока были пропущены невозвратимо, но третій еще не ушелъ, а потому и можно было подать просьбу и завязать дѣло, если только доказано будетъ, что херсонецъ находился во время вызова, въ Европѣ, то–есть въ Молдавіи, а казанецъ въ Казани, то–есть въ Азіи. Написали просьбу — терять было нечего — и подкрѣпили доводы свои ссылками на всѣ

старинные учебники географіи, какіе могли добыть въ Казани, подали и стали всѣми силами поддерживать. Судъ затруднился: случай небывалый, дѣло запутанное; вертѣли туда, сюда; отказать бы прямо, такъ надо же на чемъ–нибудь основать рѣшеніе, надо опровергнуть доводы просителя. Сколько ни бился секретарь, не могъ подвести ни одного закона, ни указа, ни манифеста: все это къ дѣлу не подходитъ. Призадумались мои судьи, а что–то дѣла въ толкъ не возьмутъ. Коли тяжущіеся находились въ различныхъ частяхъ свѣта, то, вѣроятно–де, это надо понять такъ, что херсонецъ, выбывъ за границу, въ Молдавію то–есть, попалъ черезъ это самое въ другую часть свѣта, потому что жители Казани, а тѣмъ паче тамошнія присутственныя мѣста, не привыкли считать себя въ Азіи, и мысль эта была для нихъ слишкомъ–нова и дика. Притомъ, еслибъ проситель въ это время находился въ Россіи, то ему бы полагался срокъ внутренній, хотя бы онъ дѣйствительно вѣдался въ сибирскомъ

присутственномъ мѣстѣ, которое, какъ было приведено въ извѣстность при этомъ хлопотливомъ случаѣ, числится въ Азіи. Подумавъ туда и сюда, рѣшились пустить дѣло на справку; но куда и какого содержанія сдѣлать запросъ? Въ учебное вѣдомство, разумѣется, которое нѣкоторымъ образомъ есть одно и тоже, что ученое, и потому должно знать силу въ этомъ дѣлѣ. Итакъ отнесенось, по приказному выраженію, къ тогдашнему директору училищъ, съ тѣмъ, что, основавшись на его свидѣтельствѣ, въ отвѣтѣ не будемъ: отзывъ его выведемъ на справку.

Директоръ училищъ, человѣкъ почтенный, хотя и съ запутанными до нѣкоторой степени понятіями, снималъ и надѣвалъ нѣсколько разъ очки свои, перечитывая бумагу, и долго не могъ взять въ толкъ, чего отъ него хотятъ. И это было не мудрено. Мы уже видѣли, до какой степени вопросъ постепенно становился сложнѣе и запутаннѣе отъ довольно–необычайныхъ случайностей и отъ различія

взгляда: херсонецъ хотѣлъ воспользоваться тѣмъ, что находился внѣ Россіи и что, сверхъ–того, та часть Россіи, съ которою имѣлъ онъ дѣло, числится въ другой части свѣта, въ Азіи. Тотъ, кто писалъ отношеніе къ директору училищъ, безъ всякаго умысла нѣсколько переиначилъ вопросъ, предположивъ, что земля Молдавія должна находиться, по мнѣнію просителя, въ другой части свѣта, чѣмъ Россія; все это притомъ было высказано несовсѣмъ–ясно, изъ предосторожности, чтобъ не проговориться, такъ–какъ вообще вся связь этого дѣла, по многосложности и запутанности его, представлялась нѣсколько въ туманѣ.

Сообразивъ, однакожь, дѣло, сколько это было возможно по содержанію бумаги и сбыточно по состоянію умственныхъ способностей и познаній своихъ, добрякъ мой отозвался такимъ образомъ, что хотя–де Молдавія, страна подвѣдомая Турціи, и состояла поэтому при той части свѣта, которая именуется Азіей, но что она въ

новѣйшее время, а именно, по тильзитскому миру, отошла къ Европѣ.

Такой отзывъ былъ неоспоримымъ опроверженіемъ доводовъ моего херсонца; просьба возвращена ему съ надписью, какъ неподлежащая къ пріему, и тяжба окончательно проиграна.

— Однако, замѣтилъ другой собесѣдникъ, приподнявъ значительно брови и уставивъ глаза въ глубокой думѣ впередъ себя: — однако, сударь мой, времена мудренѣютъ. Стало–быть, мнѣ, засѣдателю гражданской палаты, ради подобной и вздорной просьбы, приходится изучать географію, да сверхъ–того, еще какое–то положеніе о тильзитскомъ мирѣ?

— Совсѣмъ ненужно, перебилъ другой: — и никто васъ объ этомъ не проситъ; вы видите, что и тутъ дѣло безъ того обошлось; на то ученые: они вотъ и разобрали дѣло безъ васъ, а вамъ остается только подвести справку — оно и въ шляпѣ.